

Астафьев Виктор Петрович Тающая льдина astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Метаморфозы писателя-почвенника Виктор Астафьев занимает особое место в российской литературной политике. По мере воздействия на общество его можно сравнить с Солженицыным. Как певец Гулага вольно и невольно участвовал в разрушении СССР, так и Виктор Петрович, Герой Социалистического труда и один из самых авторитетных писателей-почвенников, обласканных советской властью, своим авторитетом поддержал "демократические реформы" Ельцина и обрушился на противников первого президента. В писательской среде говорили, что Астафьева "купили", пообещав ему Нобелевскую премию, что, конечно, звучит неправдоподобно. Говорили также, что, выпив, "Петрович" признавался, что "чует, как его куда-то ведут, но не может освободиться". Конечно, организованная ельцинскими имиджмейкерами накануне президентских выборов встреча Бориса Николаевича и Виктора Петровича была спекулятивна, но после нее Астафьев мог называться живым классиком: к нему приехал руководитель страны. Правда, Солженицын воздержался от встреч с Ельциным, считая, что уронит себя, общаясь с отцом "кланово-криминальной демократии". Астафьев же охотно встретился. Но не стоит считать Виктора Петровича лукавым и беспринципным человеком. Он действительно талантлив, действительно искренен. Ему не хватило мало: не надо было суетиться и паниковать перед лицом грозных валов Истории, накатившихся на Россию. Фронтовик видывал на своем веку многое. Но он сразу стал обвинять коммунистов и патриотов, не понимая, что для "интеллигентных демократов" Герой Социалистического труда, оппонент Натана Эйдельмана по национальному вопросу, обличитель грузин, якобы жирующих за счет русских, всегда будет чужаком. При этом Астафьев не захотел понять, что его читатели, особенно фронтовики, остались не с ним. Таким образом, маргинальность нынешнего Астафьева очевидна. Тут мы вступаем в сферу подсознания, т. к. попытаемся объяснить причины поступков писателя. Детство Астафьева было тяжелым, он рано осиротел, попал в детдом, потом – война. Он обо всем этом написал проникновенно и горько. Как признавался Астафьев во время учебы на Высших литературных курсах при Литературном институте имени А. М. Горького, где учились писатели, не имевшие высшего образования, после войны ему пришлось "даже в помойках рыться". Может быть, имелись в виду помойки в фигуральном смысле, как образ падения вообще. Но и тогда явствует из этого, что он ощущал себя на самом дне, подняться с которого можно было только чудом. Кажется, что порой он до сих пор не верит, что это ему удалось. Поэтому он часто выходит за рамки общепринятых в культурной среде норм поведения, матерится как ломовой извозчик, хамит и словно ждет, что кто-то может одернуть его или подтвердить, что все, происходящее с ним, не сон. Ему прощают, стыдливо отворачиваясь. Но трудно представить, что Солженицын, Распутин, Белов, Бондарев (мы берем этих писателей) вдруг захотели бы шокировать публику столь низменным образом. Думается, кроме всяких психологий, причина еще и в том, что вся русская литература, прежде поддерживаемая государством, русская культура оказались ненужными в постсоветской России, занятой выживанием, а не развитием. Астафьев это давно почувствовал, но перепрыгнуть со своей отколовшейся льдины на берег невозможно – кругом вода. Приводим фрагменты интервью Виктора Астафьева из украинской газеты "Бульвар" (№ 27, 2000 г.). "Не хотели печатать, говорили: страшно. А я что, выдумал?!" – Марья моя Семеновна сама выучилась печатать и все мои вещи перестукала. Иные, как "Кражу", по 14 раз. До 50-ти страниц в день писал. Сейчас руки отнимаются, никак от инфаркта не отойду. А она все эти 50 страниц в день перетюкивала, как могла, на старой "Москве". Мы и сейчас так работаем, поздно нам на компьютер переучиваться. Ну и вот, написал я "Прокляты и убиты", первую часть. Отдаю ей на перепечатку. Она начала, потом приходит: "Витя, я не могу это печатать. Давай, что ли, машинистку найдем". Я говорю: "Да не надо, Маня! Ну ее к Богу, эту вещь, я сам сколько сердечных приступов на ней нажил. Пусть себе в столе лежит, она маму не зовет и есть не просит". Она узнала, сколько стоит машинистку нанять, – нам дорого, разве продать что... Потом вижу, все-таки подходит, берет... – Даже Василь Быков – страшнее его военной прозы поискать надо говорил, что многое из того, о чем вы пишете, его память милосердно стерла. – Василь – прекрасный писатель и замечательный мужик, друг мой большой, а ему теперь всякая мразь жить не дает. "Жить трэба дома", – сказал он в недавнем интервью, а я по сентиментальности своей заплакал, когда увидел его сейчас по телевизору. Говнюки какие-то пишут подметные письма ему – что, мол, предатель. А?! Насчет того, что такой войны не было... Мне Симонов Константин незадолго до смерти своей сказал: "Пишите свою войну, мы свою написали. Мы уже убедили читателя, что главной фигурой на войне был журналист". Он иронизировал, конечно, но вранья о войне навороchen был такой вал, что читать можно было три, ну пять книг от силы. "Звезду" Казакевича, "В окопах Сталинграда" Некрасова и

Астафьев Виктор Петрович Тающая льдина astafevvictor.ru

"Василия Теркина" Твардовского. Твардовский, кстати, как узнал, что все газеты у нас шли на раскурку, а его колонки "Теркина" в "Правде" мы специально на картон наклеивали, чтобы дольше читать, – страшно обрадовался и очень ко мне расположился. Все просил хоть одну такую картонку: не уцелела ли? "Александр Трифонович, – говорю, – я сам-то еле уцелел"... Симонов, кстати, знал войну на уровне высшего командования и честно эту войну писал. В окопы не лез. А была литература парадная, вот как Бубеннов, например, сталинский лауреат. Я его знал немного. Его Сталин очень любил и всегда с днем рождения поздравлял. И пока Сталин не позвонит – в доме за стол не садились. Все ломится, бутылки строим, гости томятся, но до звонка ни-ни. Потом он наконец звонит, жэлаит долгих лэт жизни, – Бубеннов, чуть не обоссавшись от облегчения, садится за стол и все за ним, пьют за любимого вождя. И писал соответственно. Я свою войну начал показывать в "Пастухе и пастушке", была у меня повесть такая. – Очень люблю ее. – И я люблю. Я, почитай, с нее и начался. Поздно – в 50 лет почти. Я вообще начал поздно, в 30 с небольшим, а потом десять с лишним лет был обычный провинциальный писатель. В "Пастушке" что-то уже было, потому ее никто печатать и не хотел. Я с ней все журналы, все издательства обошел и опубликовал в покореженном виде только в "Нашем современнике". Все говорили: страшно. Ну может такой критерий быть в литературе?! Что я, выдумал? Стариков этих я выдумал, которые под наш же обстрел в своей деревне попали? Нет, я сам их видел: они из хаты перебежали на огород, так и лежали, старуха сунула голову старику под мышку, их потом еще мертвых снарядами посекло. А у нее из сумки носок начатый торчит, она ему вязала. Я все помню. Память действительно милосердна, в обычной жизни многое стирается, мне война 10 лет снилась и перестала. Но в подсознании-то откладывается, его не обманешь, и когда садишься писать – ты ведь с ним выходишь на связь, с этим своим вторым я, которое и есть бессмертная душа, я думаю. Оно все про тебя знает, все понимает. Ты в жизни от него прячешься, но пишешь-то им, из него. Так что память есть, есть, – другое дело, что она лучше была до контузии. Контузило меня в 44-м на Днепре, в левый висок ударило... Кстати, вот тебе примета фронтовика, я по ней настоящих узнаю (а то бывает, пишет – чаще всего с осуждением, мол, я принизил народный подвиг, – а я вижу: врет. Не был он ни на какой передовой). Фронтовик говорит: меня подранило, его убило... "Я был ранен", "он убит" – это уже не то. Ну вот, контузило, я сознание потерял, меня в лодке на другой берег переправили, лодка полна воды – значит, кто-то голову держал, захлебнулся бы я иначе. Потом перевязали меня, черную повязку наложили, – я в госпиталь не лег. Не то чтобы был такой герой и обязательно хотел в строй, – но понимаешь, я детдомовец, мне важно было остаться в своем коллективе. Я понимал, что такое, когда свои. И вернулся. Правый глаз у меня с тех пор не видит совсем, два процента, – я, как левша, научился с левого целиться. Но Нагибин, которого тоже контузило (он хороший был человек, Юрий Маркович, и пил хорошо, и блядовал хорошо, и остановился вовремя, и писал замечательно), мне сказал: "Витя, я перечитал то, что писал до контузии, – ну ни искринки, ни блестинки! А как ударило так сразу и пошло". – И вы после ранения довоевали? – Да это еще и не ранение было, меня потом по-настоящему ранили, в левое плечо. Еле руку спасли, левая сейчас слабее правой – хорошо, котелок поднять могу. А ты думаешь, в 44-м году были в окопах нераненные? Были такие, которых по три, по четыре раза зацепило, – кому воевать-то? Правда, после первого ранения ты уже не вояка. Пока не зацепило, думаешь, пронесет. А как раз поймал пулю – все, уже страх. Но в 44-м в окопах только такие и были, призывать-то уже некого. Он же всех положил, Сталин, всех, – 11 миллионов рядовых, это целиком деревни средней России – они рядовых-то поставляли! Мне рассказывали, как в вологодских деревнях и 10 лет после войны все бабы выбегали смотреть на дите, когда его кто привозил: мужиков не было, не от кого родить! "Вот в этом сочетании людоедства, изобретательности и живучести – вся человеческая природа". – Я после войны думал: все, бляди, навеки перебили народу жилу, – и действительно, так и не поднялись мы с тех пор, потому что не война это была, а хаос, кровавая каша. И махину эту немецкую мы мясом завалили и кровью залили. Ты знаешь, сколько погибло наших? – 30 миллионов как будто последняя цифра... – А 46 не хочешь? Есть и такие версии... После войны называли 27, потом сократили до 20... Это первая война в мировой истории, в которой мирного населения больше, чем солдат, погибло! И не только они это с нами делали, а сами, все сами... Ты знаешь, что эта мразь усатая творила? Я войну застал сцепщиком вагонов, полагалась бронь, но я же был такой идейный – как вошел в призывной возраст, сразу добровольцем! Так что паровозный наш парк я знал очень прилично, херовый был паровозный парк, и вагонов вечно не хватало. И вот не из чего эшелоны на фронт собрать, а он в это время 600 тысяч поволжских немцев везет в ссылку в Казахстан, блядь такая! Сами, сами морили себя. Ты, может быть, думаешь, в Освенциме немцы наших убивали? Они работать заставляли, а убивали

Астафьев Виктор Петрович Тающая льдина astafevvictor.ru
друг друга наши же. У них в каждом бараке была своя особая тройка, как особое совещание на Лубянке, и они сами приговоры выносили. За пропаганду, за панические настроения, за непатриотические высказывания. И в колодце топили. Это тебе как? – Слушайте, откуда именно у наших такой инстинкт самоистребления? – Это не только у наших. Человек устроен и сложно, и очень просто. Он весь на балансе самоистребления и выживания. Чудеса приспособляемости – и такая изобретательность в гибели, и такая несгибаемость в спасении! Знаешь, что меня больше всего восхищает в человеке? До умиления, до гордости? Ты не поверишь: рыболовный крючок и штаны. Эволюция рыболовного крючка – это конек мой, я люблю удить, много знаю про это, пока из Енисея всех осетров, всю стерлядь не перетаскали, это лучшее было занятие. И у нас на Овсянке, в деревне моей, на противоположном берегу открыли поселение первобытное. Слушай, как мне было их жалко, этих перволудей, обувь – то еще не изобретена, ты представляешь, в нашем климате без обуви?! Так и сидели тут в своих шурах. Нашли там кости животных, ну и каннибализм там был, понятно, потому что не всегда же и мамонта поймает. А рыболовный крючок у них уже был, и была зазубрина на нем, заусеница. Та самая, из-за которой пацаны мучились, если крючок ненароком впивался в штаны: не достанешь, резать надо, а они единственные. Вот видишь, в этом сочетании людоедства, изобретательности и живучести – вся человеческая природа. Или возьмем штаны. Ты Брейгеля любишь? – Конечно. – Вот посмотри при случае на его крестьян. Сама форма штанов, так сказать, переменялась мало в силу неизменности носителя, но сколько было модификаций ширинок, сколько вариантов! Сначала гульфик, чехол этот, потом на пуговицах, теперь молния... Ведь это охеренная изобретательность! Горжусь, горжусь человечеством. Другое дело, что русские – не самый зверский, конечно, но самый изобретательный народ. И в смысле самоуничтожения, и в смысле выживания. Ты ведь знаешь, я в Вологде жил 15 лет? И приезжает ко мне друг-однополчанин, хочет по улицам побродить, посмотреть знаменитый вологодский конвой. Поговорку "Вологодский конвой шутить не любит!" вся Россия знала. А ведь и киргизы охраняли, и казахи, и не так уж много русских было во внутренних войсках. Однако ж вологодский конвой! Друг мой возвращается и говорит: "Изобретательные, суки! Если в строю кто не в ногу пойдет или заговорит сразу всех положат. Но не на сухом месте, а нарочно так выберут, чтобы в лужу". Это по-нашему! Изошренность мучительства – это первое дело, но и чудеса изобретательности в крайних ситуациях, вот слушай. Мы в окопах страшно мерзли, дождь, ну там примостишься как-то, чтобы по спине не текло, потому что как струйка по спине, по желобку потечет к жопе, к яйцам – все, ты не солдат, у тебя сразу чувство, что промок ВЕСЬ. Сижу я в таком окопе, уже весь-весь мокрый, сухой нитки нет, и подходит ко мне наш капитан, видя, что совсем мне худо: "А ну пей живо!". А это что? А это тройной одеколон. Да где ж он его взял на передовой в 44-м году, вот скажи ты мне как русский человек русскому человеку?! Однако достали, и заметь, это была моя первая в жизни выпивка. Мне до того негде было пить. То детдом, то ФЗУ, а в детстве я слишком часто видел пьяного отца и понимал, что это такое. Иногда алкоголизм родителей перекидывался на детей, бывает наследственным, а иногда дает наследственное отвращение к вину, потому что ты себе представляешь, до чего можно допить. Но тогда, естественно, я этого одеколону целый пузырек хватил и вроде бы согрелся. Только говно до 45 года, кажется, им пахло... Хороший одеколон делали. Не-ет, русский человек живуч, да если он еще повоевал... Есть такая поговорка: "Меня не съешь: спереди костист, сзади говнист". Русского солдата убить мало – его повалить надо, а вот это хрен. На войне ты знаешь, кто выше всех ценился? Кого командиры старались из пополнения к себе отбирать? Тюремщиков и детдомовцев. Астафьев Виктор Петрович Родился 1 мая 1924 года в с. Овсянка Красноярского края в семье крестьянина, русский. Учился в железнодорожной школе ФЗО N1, затем добровольцем ушел на фронт. Оставался рядовым до конца войны. Был ранен. После войны жил в г. Чусовой Пермской обл., гг. Перми и Вологде, в настоящее время живет в с. Овсянка. В 1951 г. в газете "Чусовской рабочий" был напечатан его первый рассказ. Затем четыре года Астафьев работал в этой газете корреспондентом. В 1958 г. принят в Союз писателей СССР. Образование высшее – окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. Народный депутат СССР от Союза писателей СССР (1989–1991). Был членом Комиссии Совета Национальностей по вопросам развития культуры, языка, национальных и интернациональных традиций, охраны исторического наследия. Был секретарем правления Союза писателей СССР (1991). Вице-президент ассоциации писателей "Европейский форум". Автор книг: "До будущей весны" (1953), романа "Тают снега" (1958), повестей "Кража" (1966), "Последний поклон" (1968), "Царь-рыба", "Стародуб", "Пастух и пастушка", "Звездопад", "Ода русскому огороду". В последнее время издал роман о войне "Прокляты и убиты". В 1978 г. за книгу "Царь-рыба" удостоен Государственной премии СССР; за большие заслуги в развитии литературы ему присвоено звание Героя

Астафьев Виктор Петрович Тающая льдина astafevictor.ru
Социалистического труда (1989); за повести "Перевал", "Последний поклон",
"Кража", "Пастух и пастушка" удостоен Государственной премии РСФСР им. Горького;
за повесть "Зрячий посох" ему присуждена Государственная премия СССР (1991).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevictor.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!